

СЕРИЯ «ЧТЕНИЯ ДЮАРИСТОВ»

«Чтения Дюаристов» — новая серия книг. Это произведения современных авторов, адресованные всем, кто ценит неординарность мышления, юмор, иронию, и особенно тем, кому близки философия и взгляд на мир выдающегося шотландца Томми Дюара. Остроумие и афористичность его высказываний — дюаризмов — стали камертоном, позволяющим объединить различных авторов в одной серии.

Томми Дюар — открывший миру виски Dewar's — отменно разбирался не только в бизнесе. Потомкам этот человек запомнился как интеллектуал, ценивший умного собеседника... и книгу — воплощение идеального собеседника. В своем лондонском особняке сэр Томас Дюар устраивал дружеские вечера, главными героями которых становились наиболее интересные новинки литературы. На рубеже XIX–XX веков джентльмены собирались для того, чтобы насладиться остроумной беседой, мудрой книгой и изысканным виски. Эта почтенная традиция нашла продолжение и в России наших дней в виде проекта «Dewar's Чтения» и книжной серии «Чтения Дюаристов». Самостоятельность мысли, свобода от навязанных шаблонов и догм — отличительные черты дюаристов, сторонников и последователей философии Томми Дюара, где бы они ни жили и на каком бы языке ни разговаривали. Серия «Чтения Дюаристов» может стать еще одной платформой, объединяющей единомышленников.

[<<< Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

Boris Johnson

HAVE I GOT VIEWS FOR YOU

HARPER PERENNIAL

LONDON, NEW YORK, TORONTO AND SYDNEY

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

ЧТЕНИЯ ДЮАРИСТОВ

Борис Джонсон

МНЕ ЕСТЬ ЧТО ВАМ СКАЗАТЬ

Перевод с английского

анф

Москва
2012

[<<< Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

УДК 82-43(4)
ББК 84(4)-4;76.01
Д42

Переводчики Сергей Артемов, Роза Пискотина

Джонсон Б.

Д42 Мне есть что вам сказать / Борис Джонсон; Пер. с англ. — М.: Альпина нон-фикшн, 2012. — 480 с. — (Серия «Чтения Дюаристов»).

ISBN 978-5-91671-133-2

Борис Джонсон — пожалуй, самый необычный мэр в мире. Представитель британского истеблишмента, консерватор до мозга костей, он ведет юмористическую телепередачу и разъезжает по Лондону на велосипеде. Любимый журналист Маргарет Тэтчер, известный под кличкой Клоун, был отличником в Итоне и блестяще защитил диплом в Оксфорде. Эта книга — подборка лучших публикаций за 10 лет, из которой читатель несомненно узнает много нового для себя об Англии и мире. Об особенностях национальной охоты и об интригах в Парламенте. О войне в Ираке и переизбрании Буша. О причинах терроризма и рождении евро. О пользе алкогольных напитков и о стоимости недвижимости в Лондоне. О России и ходовых качествах суперкаров. О бомбардировках Сербии и Джереми Кларксоне. А главное — все, о чем пишет Борис Джонсон, он знает не понаслышке.

УДК 82-43(4)
ББК 84(4)-4;76.01

**Издание подготовлено при поддержке
ООО «Бакарди Рус»**

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу lib@alpinabook.ru.

ISBN 978-5-91671-079-3
(Серия «Чтения Дюаристов»)
ISBN 978-5-91671-133-2 (рус.)
ISBN 978-0-00-729096-3 (англ.)

© Boris Johnson 2006, 2008
© Издано с разрешения AP Watt Limited
и The Van Lear Agency
© Издание на русском языке, перевод,
оформление. ООО «Альпина нон-фикшн»,
2012

[<>>](http://kniga.biz.ua)

Борис Джонсон избран мэром Лондона в мае 2008 года. До этого он был членом парламента по округу Хенли-на-Темзе и журналистом. Автор книг «Одолжите мне ваши уши», «Друзья, избиратели и сельские жители», «Мечта о Риме» и «Семьдесят две девственницы». Живет со своей семьей в Лондоне и Оксфордшире.

Посетите его сайт: www.boris-johnson.com

БЛАГОДАРНОСТИ

Как журналист я обязан стольким людям, что их невозможно перечислить, но Бенедик Уатт, который уделил время моим сочинениям и благодаря которому появилась эта подборка, заслуживает почетной медали.

Я хочу поблагодарить *The Daily Telegraph*, *The Spectator*, *Gardian*, *GQ Magazine* за любезное разрешение воспроизвести статьи, опубликованные впервые в этих изданиях.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда история начала набирать обороты

Я стоял на краю воронки и думал: «Крошево». Подходящее слово. Обломки дома были величиной с кулак. Какой бы взрывчаткой ни пользовались американские BBC в своих противобункерных бомбах, это мощная штука. Я стоял в фешенебельном районе Багдада Аль-Мансур и смотрел на то место, где, как полагали американцы, в последние дни войны находился Саддам Хусейн.

Трудно вообразить взрыв, способный сотворить такую дыру сверху и не просто разрушить четыре дома, но и каким-то образом то ли высосать, то ли выдуть землю из-под них. Скорее всего, они не достали Саддама, который, как утверждают, в это время перекусывал в ближайшей забегаловке. Но эта яма красноречиво свидетельствовала о том, что Америка сделала с его царствованием, и подытожила размах и неотразимость Америки. Когда 15 лет назад я начал заниматься журналистикой, Америка еще не достигла виртуозных технологий, позволяющих сбросить бомбу на какой угодно дом в какой угодно столице третьего мира в любое время по своему усмотрению. И лицензии на это она, конечно, не имела.

Зрелище было завораживающим. Апрель 2003 года, я в Багдаде стою и смотрю, какой контраст являются собой аме-

риканцы и люди, которых они освободили. Тощие, мрачные, плохо одетые и голодные иракцы. И американцы, разъезжающие на своих «хамви» (вездеход явно больше нашего лендровера: массивный, с широкими шинами и вообще круче). Морские пехотинцы в темных очках с прорезями в уголках. Более рослые и плечистые, чем местные жители. Тяжелые подбородки с крепким челюстным аппаратом. Морпехи выглядели как космическая раса господ или персонажи кинобоевика «Судья Дредд». Справедливости ради надо сказать, что Багдад тогда они еще полностью не контролировали. Повсюду шла стрельба, хозяйничали мародеры, тянулись дымы от костров, на которых иракцы поджаривали уличные кабели, чтобы добраться до меди.

Покорение Багдада стало политически возможно в силу военной реальности. Америка тратит на оборону больше, чем следующие за ней по списку 28 стран, вместе взятые. Мы оказались в однополярном мире, в котором Пентагон может размещать базы не только в Британии, Турции и на Кубе, но и в бывшей советской республике Узбекистан, чьи ракеты 15 лет назад были нацелены на запад. Нет, когда я начинал как журналист, ничего такого и в помине не было. Да и жители Аль-Мансура понятия не имели о противобункерных бомбах.

Наверное, в 1987-м, когда я окончил университет и присматривал себе работу, были мудрые совы типа Френсиса Фукуямы, которые догадывались о том, куда все пойдет. Наверное, были умники, способные предсказать, что коммунизм скоро рухнет, что европейская интеграция начнется и споткнется, что поднимут голову антиглобалисты, а затем захлебнутся в собственных противоречиях. Возможно, кто-то предвидел появление Тони Блэра, поражение партии тори и исламский террор.

Возможно, и вы, умный читатель, были среди тех, кто догадывался, что страна захочет уйти от жесткой лексики тэтчериизма и в один прекрасный день для Британии настанет Век Дианы. Возможно, вы даже предрекали, что кажущаяся счаст-

ливой в браке привилегированная молодая женщина однажды превратится в мученицу и икону сентиментальных ценностей. Если у вас были подобные подозрения, вы меня явно обошли, ибо в 1987 году я, 23-летний молодожен, счастливый до одури, что получил лучшее образование, которое только может дать Англия, не имел ни малейшего представления о происходящем. Я пишу эти строки глубокой ночью, смотрю в темные окна и жду поезда в Паддингтон. Ни будущее, ни то, что творится там, в ночи, или когда поезда в юго-западном направлении возобновят движение, я уже не могу предсказать.

Моя журналистская карьера началась в цокольном этаже отеля «Мейфэр». Здесь бодрые консультанты по вопросам управления пытались научить меня уму-разуму. Как я ни старался, я не мог смотреть на проекцию таблицы роста прибыли и при этом сохранять сознание. После того как я погрузился в четвертый раз в кому, а потом судорожно вынырнул из нее, один из моих собратьев по учебе, молодой карьерист в сером костюме, не выдержал. Он был моего возраста и вдобавок только что согласился на абсурдную по тем временам зарплату в £18 000 в год. Он ткнул меня в бок и раздраженно прошипел: «Слушай, если ты и дальше будешь так себя вести, толку из тебя не выйдет».

Я подумал, да и теперь так считаю, что он просто надутый индюк. Надеюсь, он стал первой жертвой последовавшей вскоре чистки кадров управленческого консалтинга. Но поскольку уши мои горели, я знал, что он прав. Я прокрался к телефону, позвонил человеку по имени Питер Стотард и не успел оглянуться, как стал сотрудником газеты *The Times*. Начну с того, что журналистика оказалась почти таким же муторным и унылым делом, как и консультирование по вопросам управления. Большинство журналистов, казалось, просто сидели перед экранами компьютеров Atex и посыпали друг другу любовные записки, а потом впадали в ужас, обнаружив, что перепутали получателей.

Работа состояла в том, чтобы заказать телефонный разговор, выслушать, что мистер Икс сейчас на встрече, подождать полчаса, а потом повторить попытку. Вспоминая статьи, которые я тогда писал, не могу найти ничего, достойного похвалы. Я гадал, сколько времени *The Times* сможет держать на работе такого неисправимого в своей непродуктивности писаку. Пытаясь повысить собственную результативность, я принялся просеивать сообщения информагентств. Все пользователи Atex могли звонить в Reuter или Associated Press, и вскоре я заметил, что в России и Восточной Европе происходит что-то серьезное. А поскольку у *The Times* не было штатных корреспондентов в Восточной Европе, я начал проявлять личный интерес к происходящему.

В порядке вещей было переписать текст агентства и заявить на него авторство, если ты сделал хотя бы один телефонный звонок и показал, что вложил в материал что-то свое. Я взял измором редактора внешнеполитического отдела Джорджа Брука и с его помощью вскоре создал сеть источников информации — преподавателей в таких местах, как Лондонская школа славянских языков и восточно-европейских исследований, которые с удовольствием подкидывали при случае нужную цитату.

Будь я в 1987–1988 годах поумнее, то обнаружил бы закономерности во всей той писанине, что тогда выдавал на-гора. Понял бы, что государственный социализм не только не способен удовлетворить материальные потребности, но и находится на грани взрыва. Говорят, что история начала наращивать обороты в 1980-е. Стыдно признаться, но я наблюдал за всем этим, не понимая, что происходит. Я был слишком занят тем, чтобы побыстрее поставить свою подпись под очередным материалом, и не морочил себе голову тем, что он может значить. Лишь годом позже, после того как я ушел из *The Times* при не самых приятных обстоятельствах, происходящее стало очевидно даже мне. Несчастные участники Варшавского договора не просто уступали в технологиях Рональду Рейгану. Они наконец осознали,

что социализм с его государственным насаждением уравниловки не только порочен, но и несправедлив: номенклатура всегда достанет себе пару башмаков, недоступных массам. Каждый год, чуть ли не каждый месяц они видели, насколько отстают от Запада, демонстрирующего чудеса потребления и технологий.

Вот почему восточные немцы навострили свои трабанты на Запад. Вот почему рухнула Берлинская стена в ноябре 1989-го, через шесть месяцев после того, как я прибыл в Брюссель. И даже тогда, несмотря на все намеки, которые можно было уловить на страницах *The Times*, в других европейских столицах событие воспринимали с изумлением и тревогой. Тэтчер,казалось, попыталась помешать объединению Германии и провела реакционный семинар в Чекерсе (с 1921 года официальная загородная резиденция премьер-министра в графстве Бакингемшир. — Прим. пер.). Вывод гласил: гунны либо должны быть повержены, либо возьмут тебя за горло. Миттеран полетел в Киев для таинственной встречи с Горбачевым, где они безрезультатно пытались придумать, как воспрепятствовать неизбежному. Одним из немногих европейских государственных мужей, кто сразу понял масштаб и неизбежность перемен, был тогдашний французский премьер-министр, социалист Жак Делор, любитель курительных трубок и одежды от Кристиана Лакруа.

На днях я спросил 25-летнюю коллегу по *The Spectator*, знает ли она, кто это. «Имя знакомое», — ответила она осторожно. Вот, друзья мои, свидетельство скоротечной, как у жучка-светлячка, жизни журналистики. Кто знает, какую часть своей жизни я посвятил записыванию деяний Жака Делора? Месяцы, годы. А сегодняшние молодые люди (тут гневная пауза) даже не помнят, кто это!

Чем дольше я оставался в Брюсселе — где прослужил пять счастливых лет, — тем более очевидно становилось, что Европа уже не та.

Все журналисты, вероятно, тешат себя иллюзией, что влияют на историю, за обозрение которой им платят; что они, тре-

пыхая крыльшками, как мотыльки, могут вызвать бурю. Хочу похвастаться и абсолютно уверен, что это никого не колышет, но, похоже, я внес свою лепту в отказ датчан подписать Маастрихтский договор. 2 мая 1992 года я присутствовал на одной из тех увеселительных прогулок, которыми перемежается жизнь брюссельского корреспондента, — на неформальной встрече министров иностранных дел в живописном местечке Гуимар, в Португалии. Помню эту субботу. Время чаепития. Я иду к таксофону, останавливаюсь на пыльной площади, наблюдаю за двумя собаками, лежащими на солнце, потом звоню Фрэнку Тейлору, редактору международного отдела *The Sunday Telegraph*, чтобы выяснить, что с моей статьей. По моему мнению, это был хороший материал о планах Делора учредить пост европейского президента и сосредоточить еще больше власти в Брюсселе, когда Маастрихтский договор будет ратифицирован. Фрэнк счел материал просто потрясающим.

— Это настоящая сенсация, — захихикал он в бороду. — Я назвал статью «Делор планирует рулить Европой».

«Боже, — подумал я, — дерзкая формулировка». Я не был уверен, что мои друзья в Евросоюзе будут в восторге. Но сенсация так сенсация — центральная статья на первой полосе — и я с радостью согласился. Сообщение произвело впечатление. Конечно, у англичан за завтраком мармелад с бутербродов не свалился, но в Дании резонанс был огромный. До их референдума оставалось менее месяца, паранойя по поводу утраты страной независимости постоянно нарастала, и противники соглашения зацепились за публикацию. Ее многократно размножили, участники марша протеста в Копенгагене несли текст статьи на своих баннерах. И 2 июня, в чудный солнечный день, договор отклонили и проект сорвали.

Мне хотелось по-детски наивно полагать, что все началось с моей корреспонденции из Гуимара. Кто-то из *The Sydney Morning Herald* однажды доказывал, что, если бы не моя статья «Делор планирует рулить Европой», датчане не отклонили бы

Маастрихтский договор, не разразился бы кризис валютных курсов, правительство Джона Мейджора не постиг бы хаос и т.д. Конечно, это чушь. У тори хватает и других проблем, а проблемы валютных курсов были связаны отнюдь не только с отказом Дании от договора.

Причина моего скептического отношения к интеграции заключается в том, что она постоянно вгоняла национальные интересы в прокрустово ложе. Универсальный механизм валютных курсов нам не подходил. Поэтому у меня были тягостные сомнения относительно единой валюты. То же самое в полной мере относилось и к планам политического объединения. Европе катастрофически не хватало единства в отношении Ирака. Но люди забывают, что она была катастрофически разобщена и во время первой войны в Персидском заливе. Бельгия не только отказалась послать свои войска. Она также отказалась продать нам боеприпасы, которых традиционно у Бельгии в избытке. Ширака критиковали за разрыв с англо-американской коалицией. Но Миттеран вел себя почти так же трусливо во время первой войны в Персидском заливе, и у меня мало сомнений в том, что он сделал бы то же самое. Поразительно, что все по-прежнему ожидают единства от Европы по любому действительно трудному вопросу внешней политики.

Когда маастрихтские переговоры достигли середины в июне 1991-го, тревожные новости пришли с Балкан. Здесь мы все пытались сфабриковать федеральное государство под лозунгом *E pluribus unum* («В многообразии едины»), а сербы и хорваты были готовы разрушить федеральную Югославию.

В течение трех лет проблема оставалась сугубо европейской, и это была беда. В самом начале был период, когда рассматривался вопрос о посылке экспедиционных войск, чтобы остановить этнические чистки, проводимые Милошевичем. Хёрд (Дуглас Хёрд — министр иностранных дел и по делам Содружества наций, 1989–1995 гг. — Прим. пер.) категорически выступал против подобной интервенции. В дальнейшем стра-

тегия заключалась в примирении военных с данным положением, но при этом мы делали все, чтобы смягчить гуманитарную катастрофу. Только после осады Сараево и оскорбительной оценки операции ООН в Сребренице Соединенные Штаты решили, что пора и честь знать. Час Европы истек, и клиントоновская администрация осуществила политику под названием Lift and Strike, предусматривающую отмену эмбарго на поставки оружия боснийским мусульманам и бомбардировку сербов.

Урок Боснии казался очевидным. Европа проводила политику сглаживания конфликтов и умиротворения. Пентагон проводил политику силового решения. Лично я ничего особенного не видел, будучи приговоренным писать материалы о конференциях и саммитах и ненужные коммюнике. Чувствуя себя немного размазней, я во время первой войны в Персидском заливе позвонил в международный отдел газеты и попросил, чтобы меня послали туда вместе с Патриком Бишопом, Робертом Фоксом и другими крутыми парнями, экипированными специальными жилетами для зон военных действий по примеру Кейт Эйди (британская журналистка, прославившаяся своими репортажами из горячих точек. — Прим. пер.) «Ха-ха, — сказали в международном отделе. — Слушай, Борис, мы считаем, что ты полезен там, где ты есть». В следующий раз я позвонил во время югославского кризиса, на сей раз из зависти к Алеку Расселу, Тиму Батчеру и другим репортёрам, которые передавали действительно захватывающий материал. «Как вы думаете? — спросил я. — Нашим героям нужен в помощь репортёр, поднаторевший на беспредметных международных переговорах?» В ответ послышался гогот: «Нет, Борис!» Наконец отозвался редактор международного отдела: «Если ты поедешь в Югославию, ты их там всех будешь угождать обедами!» Это походило на намек на мои требования оплаты представительских расходов. «Да сиди ты спокойно в Брюсселе, — ржали на том конце провода. — И поменьше налегай на профитроли!»

Меня все это раздражало, как вы понимаете. Поэтому, когда грянула следующая война, я решил больше не попадаться на эту удочку. Как только НАТО начало бомбить Белград с намерением изгнать сербов из Косово, я отправился туда, чтобы увидеть это собственными глазами. Теперь это был 1999-й, и в международных отношениях возникла новая концепция — либерального империализма. Ушел в прошлое традиционный инстинкт Хёрда к примирению и компромиссу. Теперь два суперяппи, Блэр и Клинтон, вознамерились создать лучший мир и применить для этого умные бомбы.

Наутро, в случае если умные бомбы окажутся глупее, чем планировалось, мы должны были отправиться посмотреть сопутствующий ущерб. Было особенно грустно идти по пригородной улочке, куда свозили из домов раненых и убитых. Меня охватил гнев. Мои деньги налогоплательщика потрачены на то, чтобы устроить эту разруху, и боюсь, что, расчувствовавшись, я бормотал извинения. Трудно находиться в древней европейской столице под бомбажкой и не возражать против бомбардировок.

Я писал, как я надеюсь, ядовитые статьи — не в защиту Милошевича, конечно нет, но против такого способа избавления от него. Теперь, оглядываясь назад, я думаю, что не видел леса за деревьями и это позволило мне прийти ко второй войне в Персидском заливе с более ясным сознанием.

Есть немало хороших консерваторов и благопристойных социалистов, которые до глубины души ненавидят новый мировой порядок или либеральный империализм. Они считают, как Инок Пауэлл, что Британия не должна втягиваться в зарубежные конфликты, если только нет прямой угрозы ее интересам. Я в этом не так уверен. Они говорят: «Мы не можем сорваться повсюду и быть каждой бочке затычкой». Это правда, но и не повод ничего не делать. Я поддерживал и поддерживаю вторую войну в Персидском заливе просто из совершенно трезвого расчета. Пусть лучше мир отстранит Саддама от власти, чем сохранять его при ней и позволять иракцам страдать

еще 12 лет от тирании и экономических санкций. Можно говорить все что угодно о Блэре — а я говорил и буду говорить некоторые неприятные вещи, — но он участвовал в свержении двух тиранов, Милошевича и Саддама, которых Мейджор сохранил у власти. И в отличие от мнимых евроскептиков тори Блэр полностью проигнорировал европейское мнение или необходимость придерживаться общеевропейской позиции. Дело Косово было крайне непопулярным в некоторых странах Евросоюза, особенно в Греции. Что касается второй войны в Персидском заливе, раскол оказался самым поразительным: Франция, Германия, Бельгия прямо возражали против действий, поддерживаемых правительствами Британии, Италии, Испании, Голландии, Дании и «новых европейских» государств.

Столкнувшись с неприятным жестким выбором, Блэр пошел вместе со страной, которая обладала властью и деньгами сделать то, что он считал правильным. Он пошел вместе с Америкой и Пентагоном. И победил. Всё это, конечно, не на руку традиционным атлантистам-тори. Как, спрашивается, мы собираемся противостоять этому зануде? Мы думали, Блэр тяготел к Клинтону, потому что Билл демократ и собрат по тайнам ароматерапии концепции «третьего пути». Одним из развлечений во время первого срока Блэра было отправиться в Вашингтон в разгар скандала с Моникой Левински и наблюдать, как он старается поддержать великого бабника.

И тем не менее многогранный, как Протей, политик Блэр пятью годами позже наладил такие же близкие отношения с непьющим и не расстающимся с Библией весельчаком Джорджем Бушем-младшим. Конечно, для его партии это было словно красная тряпка для быка. Но что мы, тори, могли с этим поделать?

Я начал работать в журналистике к концу холодной войны. Пятнадцать лет спустя, когда холодная война давно похоронена, я должен сказать: кто ее выиграл, а кто проиграл, непонятно.

Можно полагать, что триумфаторы — тори, поскольку такое превращение явилось впечатляющим идеологическим под-

твёрждением. Подтвердилось именно то, что мы всегда доказывали: социализм был безнадежно непригодной системой для удовлетворения человеческих желаний. Годами тори призывали к свободе, к демократии, к свободному рынку в Восточной Европе, и неожиданно все это свершилось! А что делали лейбористы во время холодной войны? Они обратили огонь на Рональда Рейгана и Маргарет Тэтчер. Они участвовали в маршах Движения за ядерное разоружение, игнорировали ГУЛАГ и совершили братские поездки в Москву за казенный счет. И все же 15 лет спустя именно лейбористы лучше других приспособились к Новому порядку. С окончанием советской угрозы тори все еще выглядели как угрюмые параноики и паникеры. Но чего опасаться? Европы? Да, общественность была настроена скептически по отношению к Европе, но при всем желании было невозможно превратить таких, как Делор, и европейскую интеграцию в угрозу национальной безопасности.

Где была внешняя угроза, чтобы заменить коммунизм, против которого тори столь долго и упорно выступали? Китай? Беженцы, ищущие приюта? Это не подходило. Тори лишились козырной карты, а Блэр последовал примеру Клинтона в разработке новой формулы, привлекательной для стремительно богатеющей страны. Он позаимствовал у японцев тэтчеристские ценности, характерные для 1980-х, и смягчил острые углы. Можно оставаться либералом-рыночником, говорил он, стяжателем и материалистом. Но при новом лейборизме все это можно облечь в оболочку искренней заботы о человеке.

Наша культура, вероятно, становится более мягкой, деликатной и политически корректной, более американской, если хотите, и отчасти, это, возможно, связано с тем, что мы становимся богаче. Валовой внутренний продукт на душу населения вырос в сегодняшнем исчислении с £12 637 до £ 17 096. И сам мир стал лучше, в том смысле, что в 1987 году было 115 стран, которые можно было причислить к свободным или частично свободным. А сейчас их 145, хотя надо отметить, что число не-

свободных стран остается примерно таким же. Капитализм оказался более успешным и продуктивным строем. В библиотеке палаты общин я выяснил, что из 2,7 млн читателей *The Daily Telegraph*, которые могли читать мои первые статьи, порядка 700 000 сейчас уже, вероятно, умерли. Один или два из них, кто знает, могли сыграть в ящик от апоплексического удара, читая за завтраком свежие новости из Брюсселя. Поразительно, что их ряды пополняются, в том числе и теми, кто признает размах и гениальность публикации.

Все журналисты находятся в неоплатном долгу именно перед читателем: перед этим огромным молчаливым визави, с которым, как мы чувствуем, можно вести такой доверительный разговор и который сидит и терпеливо оценивает нашу болтовню. Тем немногим, самым верным, кто достиг этого этапа моих рассуждений, я хочу в очередной и последний раз повторить. Через 15 лет после краха коммунизма самым важным и очевидным политическим фактом в мире стало мировое господство Америки. Считалось, что Япония затмит ее экономически, но Япония наряду с другими азиатскими экономиками испытывает серьезные затруднения. В России дела идут неважно. Китай растет быстро, но не проявляет признаков посягательства на остальной мир. Очевидно, что мировое господство Америки вызывает и будет вызывать реакцию или, скорее, целый спектр реакций. Даже в арабском мире отношение к Америке варьирует от поддержки и одобрения до безумных атак со стороны террористических сетей бен Ладена. Американская операция в Ираке была устрашающей и выставила Европу на посмешище. Но в сердцах многих умеренных людей сама асимметрия мира требует своего рода компенсации. Война в Ираке не только подрывает идею европейского федерализма, но при этом, как ни парадоксально, привлекает сторонников европеизма.

В Брюсселе милые бюрократы, без сомнения, уже отодвигают жареные мидии и набрасывают на салфетках новые планы. Действительно, пока я пишу эти строки, они готовят

новую конституцию Европы. И добропорядочный лорд Тони Блэр предлагает учредить новый пост — «президент Европы», которым должен стать, несомненно, харизматичный парень нормальной ориентации, со сверкающими зубами, четырьмя детьми и любитель рок-музыки.

Где я читал подобную историю раньше? Да, рискую повториться, но это «Делор планирует рулить Европой», мое первое сообщение из Гуимара.

На этот раз я понятия не имею, как все обернется, хотя дошел до своей главной идеи: очень трудно сделать единое политическое образование из 15 — а теперь 25 — стран; и бесполезно рассчитывать на конкуренцию с Америкой, если тратить на оборону относительно маленькие суммы. Я предскажу только одно: кто бы ни пришел к власти в Британии, эта страна продолжит попытки действовать на два фронта — изображать исключительную лояльность как Европе, так и Америке. И не потому, что мы такие двуличные, а потому, что это разумно. Мы будем держаться Америки и одновременноpostaраемся остаться в европейском «поезде».

И коль скоро речь зашла о поездах, поезд от Тотнесса до Паддингтона наконец прибывает на станцию. Не спрашивайте, как мне удалось написать столько всего за одну поездку. По пути мы сделали крюк и ехали через Ньюберри: чтоб вы знали, что-то случилось с сигналами. А чего вы ожидали? Правительство-то лейбористов, не так ли?

Борис Джонсон,
2008 г.

Завершив это предисловие, Борис Джонсон продолжал писать на множество разных тем. Это издание книги «Мне есть что вам сказать», совпавшее с его избранием мэром Лондона, дополнено его последними статьями в главе «Образы Британии».

ОБРАЗЫ БРИТАНИИ

Кража велосипедов

Быстрее орлов. И похищен

Сначала был шок. Потом печаль. Потом ярость. Шок я испытал вчера вечером, когда завернул за угол. Независимо от того, как часто такое с тобой происходит, всегда непроизвольно сглатываешь при виде стойки, у которой оставил велосипед, и понимаешь в седьмой раз за последние семь лет, что какому-то подлому трусишке хватило наглости и ума стащить его.

При воспоминании о том, какой чудный был велик, меня охватила печаль. Быстрее орлов и сильнее львов. Велосипед Marin Sausalito серебристо-стального цвета с легкими, как пе-рышки, спицами. При накаченных шинах и попутном ветре он превращался в двухколесную Десерт Орчид¹, способную пре-одолеть расстояние от Хайбери до палаты общин меньше чем за 20 минут.

¹ Английская скаковая лошадь-рекордсменка Desert Orchid (1979–2006). — Здесь и далее прим. пер.

А после печали накатила ярость: волна злости на охватившую Лондон и всю остальную страну эпидемию краж велосипедов — охватил гнев на наше общество за вялое, пассивное, апатичное отношение к этой заразе.

Мы рассматриваем кражу велосипедов как естественное событие типа простуды или другого морально нейтрального явления.

Если у кого-то украдли велосипед, то рассуждения в основном касаются того, все ли пострадавший сделал для предупреждения кражи. Полиция рассуждает о необходимости более надежных замков и специальных номеров, а велоэксперты выдают различные сведения о противоугонных приспособлениях. «Не покупайте слишком броский велосипед, — говорят они. — Перекрасьте его в депрессивный цвет, типа оранжевого или фиолетового. Спереди прикрепите корзинку, — говорят они, — поставьте брызговики, навесьте еще какую-нибудь штукенцию, чтобы ваш велосипед выглядел задрипаным и неприглядным».

Все эти советы хороши, но от них душит ярость, так как мы постоянно сваливаем ответственность за кражу на жертву и не замечаем главного. Велики тырят не сверхъестественные существа. Не какие-то там Умпа-лумпы², феи или велосипедные эльфы. Их тырят воры.

На этот раз действовала банда маленьких циничных поганцев, у которых отсутствует всякое почтение к частной собственности. А тут еще получилось так, что я предпринял все возможные меры предосторожности. Приобрел необычный замок: огромную стальную штуковину германского производства толщиной с детскую руку. И пристегнул велосипед к ограде. Потом отступил на шаг и полюбовался своей работой. И обратил внимание, что и замок, и ограда такие толстые, что их вряд ли перепилишь.

² Сказочные персонажи в книге Роальда Даля «Чарли и шоколадная фабрика».

Так что они сделали? Они выдрали огромный кол, который торчал рядом с саженцем. И, действуя им, как фомкой, сломали ограду, после чего свалили с моим великим, нагло оставив следы преступления на тротуаре. Да, конечно, нашему городу нужно больше шеффилдских стоек для парковки велосипедов, и все же, прикрепив велосипед к лондонской ограде с помощью кованого германского мегазамка, вы не должны, вернувшись, видеть, что кто-то стырил ваш великий.

В прошлом году в Лондоне украли 80 000 велосипедов. И эта цифра, скорее всего, сильно занижена. Почему? Позвольте мне процитировать слова прохожего, которого я встретил, когда мое лицо меняло цвет, как светофор, от шока-горя-ярости. «Ублюдки! — сказал он. — В прошлом году то же самое случилось со мной, но в полицию заявлять бесполезно, они все равно ничего не сделают».

Даже если он и ошибается, даже если иногда велосипедная кража принимается всерьез, несомненно одно — и понятно почему — полиция не занимается ими в первую очередь. Масштаб проблемы ужасает. В стране всего миллион постоянных велосипедистов, а в прошлом году украли 439 000 велосипедов, и это только цифра заявленных краж. Один эксперт по велосипедам сказал мне: иногда он надеется, что воры перестанут красть из-за переутомления, из-за слишком большого размера своей добычи и неспособности найти спекулянтов, чтобы сбыть ворованные трофеи.

Но они не останавливаются: в Интернете плодятся новые огромные рынки сбыта; по воскресеньям блошиный рынок на Брик-лейн ломится от товаров. Воровство усиливается, и каждый украденный велосипед — это не просто приступ гнева и ярости для пострадавшего; каждая кража — это фактор, сдерживающий развитие велодвижения, так как подсчитали, что 25% пострадавших решают не покупать новый велосипед.

Удручающая статистика. И тем не менее к жертвам велосипедных краж полиция, кажется, относится как амстердамские

копы, которых сыграли Гарри Энфилд и Пол Уайтхаус³: они решили проблему, исключив угон велосипеда из числа уголовно наказуемых.

Предположим, они найдут пятнадцатилетнего пацана, который теперь владеет моим Marin Sausalito, или кладовку, полную таких велосипедов. Что ожидает преступника? Предупреждение? Жесткое внушение? Судебное заключение о злостном нарушении общественного порядка? Эти двойные стандарты просто невыносимы, ведь все мы знаем законопослушных граждан, чье правое переднее колесо случайно заехало на дюйм за белую линию на парковке, и — бум!

Их автомобиль государство увозит на эвакуаторе, а они в конечном счете платят сотни фунтов, чтобы вернуть его обратно. Но когда вор крадет ваш велосипед, государство, кажется, просто пожимает плечами и советует вам приобретать замки. А может, лучше поменяться ролями и согнать самодовольные ухмылки с лиц этих полудурков? Не пора ли поискать новые дешевые технологии отслеживания, чтобы воры боялись быть пойманными? Хорошо бы выследить посредников — часто это торговцы наркотиками, которые вынуждают пацанов идти на воровство.

Это здорово бы помогло навести порядок на улицах, так как мелкие преступления ведут к крупным преступлениям, и если кто-то по случаю снес ограду, чтобы украсть велосипед, то дальше он точно пойдет на кражу со взломом или сотворит что-нибудь еще похуже. В какой-то степени могут помочь велосипеды-приманки; но прежде всего надо подвести общество к пониманию элементарного факта: причина проблемы не в плохих замках или слабых ограждениях. Причина — в ворах, и их надо обуздать.

2 августа 2007 г., сайт Бориса Джонсона

³ Британские комедийные актеры.

Превосходство женщины

...Величайшая социальная революция нашего времени...

Я объясню вам, почему женщины не хотят выходить замуж...

На днях я возвращался из утомительной поездки в одно образовательное учреждение и сидел полусонный на переднем сиденье. А сзади разместились две выпускницы лет по 20. Они говорили о мужчинах. Поэтому я попытался сосредоточиться и хитро прикрыл глаза.

Одна из них выдала вечную женскую жалобу. «В наше время от мужчин никакого толку», — сказала она. «Да, — согласилась другая. — Беда в том, что они не способны соответствовать требованиям феминизма. Они не понимают, что мы ждем от них более мужественных поступков, а они вместо этого просто сдаются».

В этот момент, боюсь, я и сам сдался и впал в забытье. Но перед этим успел подумать: «Хм, а это интересно» — и вспомнил тот разговор, когда прочитал, что продолжается поразительное преобладание женщин среди принятых в университеты.

Посмотрите на энергию этих девушек! Женщины теперь составляют 57% абитуриентов, поступающих в университеты. Численно они превосходят мужчин во всех дисциплинах, в том числе в математике и инженерных специальностях. Это необъятная тема, и нечто подобное происходит на всех уровнях, но никто, кажется, не задумывается о последствиях.

Большинство стажеров-барристеров и две трети студентов-медиков — женщины по сравнению с 29% женщин в начале 1990-х годов. Если настоящие тенденции сохранятся, то к 2012 году большая часть врачей будут женщины. Просто смешно слушать, как Комиссия по равным возможностям продолжает толковать о «стеклянном потолке» на вершине корпоративной Британии или в правосудии, если подумать, насколько стремительна эта трансформация.

Ошеломляющий факт — величайшая социальная революция нашего времени: сейчас гораздо больше женщин, чем мужчин, получает элитное академическое образование. Когда 20 лет назад я учился в университете, это соотношение было практически обратным. Оно составляло 60:40 в пользу мужского рода. Сейчас наши университеты оканчивают гораздо больше выпускников-женщин, чем мужчин, и через 30 лет, когда эти люди достигнут пика своей карьеры, вся структура управления в Британии будет феминизирована.

Я, как пылкий феминист, ожидаю, что это приведет к прекрасным результатам: культура выстроится по фэн-шую, станет эмоционально грамотной и прекрасной, а экономика выиграет благодаря феноменальной энергии и талантам британских женщин, которые, если аттестаты зрелости и результаты вступительных экзаменов в университеты что-то значат, уже сейчас кладут мужчин на обе лопатки.

Конечно, где-то в уголке своего сердца неандертальца я обеспокоен некоторыми аспектами грядущей феминизации. Не превратимся ли мы в жеманных, озабоченных собственной безопасностью эльфов, законопослушных и в общем-то неспособных превзойти австралийцев в чем-либо, кроме того, в чем уже превзошли их? Гм? И даже если феминистская революция — это хорошо и неотвратимо (а и то и другое верно), нам следует, очевидно, рассмотреть и некоторые недостатки. И самое интересное — то, что растущее равенство между полами ведет к усилению классового деления. Судите сами.

С момента возникновения наших видов самой показательной характеристикой сексуального поведения в любовных отношениях было то, что женщины в своем большинстве, я подчеркиваю, в большинстве, стремились выходить замуж и рожать детей от мужчин, которые либо равны им, либо пре-восходят их в социально-экономическом или интеллектуальном отношении. Последние исследования показывают, что, если коэффициент умственного развития мужчины повыша-

ется на 16 пунктов, его шансы жениться увеличиваются на 35%; если же на 16 пунктов повышается коэффициент умственного развития женщины, то ее шансы вступить в брак в аналогичной пропорции снижаются.

Теперь давайте опять посмотрим на цифры поступлений в университеты с учетом этой основной человеческой предрасположенности, и станут понятны некоторые последние социальные явления. Если происходит резкий скачок числа высокодоверенных женщин — больше женщин, чем мужчин, тогда не удивительно появление личностей типа Бриджит Джонс⁴, которые никак не могут найти своего мистера Дарси. Печальная истина заключается в том, что 40% дипломированных женщин 1970 года рождения, скорее всего, встретят свое 40-летие бездетными.

В результате того же инстинкта — желания женской особи произвести потомство от интеллектуально равной себе особи — огромный рост количества женщин, поступивших в университеты, приводит к росту того, что социологи называют ассортативным спариванием. Или, более понятно, гомогамии. Чем больше у нас выпускников вузов среднего класса, тем больше они, кажется, сходятся с другими выпускниками вузов среднего класса, в основном в силу уже описанного женского романтического императива. В результате расширение университетского образования фактически сопровождается снижением социальной мобильности, и все это из-за массового поступления в университеты представителей среднего класса.

Один из печальных провалов политики нынешнего правительства заключается в том, что в университеты поступает относительно небольшое количество одаренных детей из бедных семей, частично из-за недостатков начального и среднего образования, частично из-за устраниния лестницы возможностей, которую предоставлял академический отбор. Поскольку

⁴ Героиня романа Хелен Филдинг «Дневник Бриджит Джонс».

им не удается попасть в университет, быстрый рост числа студенток из среднего класса только усугубляет их невыгодное положение.

Скажем прямо: милые дипломированные представительницы среднего класса либо становятся вечными Бриджит Джонс, либо выходят замуж за славных профессионалов мужского рода. И вообще, похоже, они склонны задирать свои симпатичные носики перед парнями, не имеющими дипломов. И когда два профессионала из средних слоев общества становятся парой, их доход удваивается, они покупают дома, цены при этом растут — а жизнь для оставшихся за бортом высшего образования становится еще труднее.

В результате увеличивается социальное расслоение и возникают две особенно несчастные группы: женщины с высшим образованием, которые считают, что мужчины бесполезны, и не могут найти себе мужа с высшим образованием; и мужчины без высшего образования, все больше ощущающие тиранию феминистской революции и обиженные на высокомерных образованных дамочек, которые полностью их игнорируют.

Какой же выход, друзья мои? Не знаю. Можно попытаться найти способы материально стимулировать гетерогамию. В мыльные оперы можно ввести сюжетные линии, показывающие, как отличницы то и дело выходят замуж за необразованных каменщиков.

Но единственное долгосрочное решение проблемы «бесполезности» парней, на которую жаловались мои спутницы возрастом чуть за 20, — это серьезно относиться к обучению мальчиков в начальных школах. И если Комиссия по равным возможностям хочет для разнообразия предложить разумные изменения, ей следует начать кампанию за увеличение количества учителей-мужчин в школах.

1 февраля 2007 г., сайт Бориса Джонсона

Юные головорезы

Вместе мы отвоюем улицы

Забудьте о Человеке-пауке. Не вспоминайте Гарри Поттера и его борьбу с Волан-де-Мортом. Я расскажу вам о своем герое дня.

Ему 68 лет. Он пэр, либеральный демократ. Зовут его лорд Филипс из Садбери, графство Суффолк. На прошлой неделе он так выступил в защиту свободы и здравого смысла, что, существуй справедливость, жители Садбери уже организовали бы сбор подписей за возведение ему памятника на рыночной площади. Потому что именно на этой рыночной площади лорд Филипс Садберийский столкнулся с моральной дилеммой, с которой многие из нас сталкиваются каждый день, но не признаются в этом.

В одно мгновение он решил бросить вызов современной политкорректности. Он дал пример всем нам. Он поступил правильно. Он увидел трех десятилетних подростков, которые катались по тротуару на велосипедах, и решил, что их поведение опасно и антиобщественно, так как в это время вокруг было много молодых мам с детскими колясками.

Он проявил первые признаки героизма, собрался с духом и решил дать им нагоняй. «Я лишь остановил их и сказал: «Ребята, здесь нельзя кататься. Сойдите с велосипедов». Увы, в ответ на свои старания он получил поток браны. Десятилетние пацаны наорали на благородного лорда Филипса, состоящего в браке с 1968 года, отца трех детей. Они обозвали его «извращенцем, гомиком и педофилем».

В прежние времена детей тут же наказали бы тем или иным образом. Они вели себя постыдно и оскорбительно в общественном месте с такой известной личностью, как лорд Филипс. Когда малые дети нагрубили пророку Елисею, сказав:

«Иди, плешивый»⁵, Бог ниспослал на них медведей, которые сожрали их.

Но в наши дни дети знают, что им за их отвратительное поведение практически ничего не будет, так что лорд Филипп решил прикусить язык и пошел в аптеку Boots, чтобы кое-что прикупить, а велосипед оставил снаружи.

В этот момент один из пацанов — который никак не мог смириться с тем, что какой-то дядька ему сделал замечание, — опрокинул велосипед лорда. И когда лорд Филипп вышел из аптеки и увидел, как его велосипед с грохотом валится на землю, а дети врассыпную убегают, перед ним возникла дилемма.

Уличная мудрость современной Британии подсказывает: не встречаться с ними глазами, поднять велосипед, сделать вид, что ничего не случилось, и уезжать подальше. Потому что не известно, что у этих юных головорезов в карманах. Может, ножичек, который тебе воткнут под ребро.

Это мог быть даже пистолет. Большинство из нас тут же решили бы, что не стоит разбираться, и молча проглотили бы обиду. Но лорд Филипп не из того теста. Он бросился в погоню. Поймал пацана. Схватил его за свитер. Конечно, он его не отшлепал, не стал драть ему уши или применять другие способы воздействия начала XX века. Он же гуманный человек.

Лорд попросил прохожего вызвать полицию, а подростку сказал: «Если ты думаешь, что можешь вести себя подобным образом, то сильно ошибаешься». На что пацан, с отличными пониманием изменившихся отношений между детьми и взрослыми, заявил ему: «Это мы еще посмотрим».

А когда прибыла полиция, как вы думаете, чью сторону приняли полицейские? Они даже не отругали подростков, но предупредили лорда Филиппса, что он поступил неправильно, взяв на себя властные полномочия. Пресс-секретарь полиции

⁵ Ветхий Завет, 4-я книга Царств, 23:24.

сказала: «Члены общества должны всегда помнить о собственной безопасности, и мы советуем вызывать полицию немедленно». И от этого у меня закипает кровь.

Получается, что, если взрослый человек хочет оспорить право молодого хулигана вести себя неподобающим образом, он не только идет на риск, но и выражает неодобрение силам правопорядка.

Вывод: властью на улицах обладают только два фигуранта — хулиганы и копы. Все остальные должны просто тихо передвигаться, прятать глаза в надежде, что кто-то другой вызовет полицию: что, возможно, и правильно, если есть уверенность, что полиция приедет и полицейских окажется достаточно много, чтобы справиться с любыми формами антиобщественного поведения.

Посмотрите перечень действий, классифицируемых как антиобщественные, и вы увидите ошеломительный список, который включает то, что мы с вами считаем правонарушениями — прямыми уголовными преступлениями: угон автомобиля с целью покататься, воровство вещей из машин, употребление наркотиков, разрушение телефонных будок. Почему их свели в одну группу с такими нарушениями, как включение громкой музыки, не одетый намордник на собаку или игра в футбол в неподходящем месте?

Нам что, вызывать полицию каждый раз, когда мы слышим, как кто-то громко ругается или рисует граффити? Ответ прост. Мы вызываем полицию, потому что неодобрение больше не работает и по очень обоснованным причинам мы уже не хотим вмешиваться сами.

Мы не восстановим вежливость на наших улицах, пока не поймем, что нам — всем вместе — нужно набраться мужества и восстановить наши прерогативы взрослых.

Да, нам нужно больше патрульных полицейских, а не тех, которые сидят и заполняют разные бумажки. Да, нам нужно быть уверенными в том, что такие хулиганы понесут заслуженное